

ФЕЯ ДРАЖЕ

НАДЕЖДА ТИХОМИРОВА
Автор рассказов в жанре фантастического реализма и young adult. Выпускница литературных школ BAND и CWS. Тенсты вдохновлены жизненными опытами и увлечениями: международной карьерой в области бренд-маркетинга, интересом к психологии — подростковой

и взаимодействия разных культур и немного — воспитанием троих детей. Подростники дают много пищи для размышлений и написания фантастических тенстов, порой даже слишком.
Кандидат экономических наук, знает несколько иностранных языков, сейчас в процессе изучения корейского.

– Та-ак. Слушаю вас, слушаю. – Воздух в комнате наэлектризован настолько, что, кажется, утыкан мельчайшими невидимыми иголочками.

Девочки, собравшиеся вокруг отца, устремили на него огромные от возбуждения глаза и как будто почти не дышат. Тишина время от времени нарушается только осторожным отцовским «Да-да. Хорошо. Понял. Понял вас, конечно. Сердечно благодарю за звонок, обязательно будем вовремя».

На последней фразе Вероника больше не может сдерживаться – она вскакивает на ноги, зажимает себе рот рукой и начинает прыгать на одной ножке вокруг отца, безумно тараща глаза и стараясь не издавать звуков. Когда отец кладет трубку на диск красного телефонного аппарата и поднимается с низкого промятого пуфа, мама и Маша тоже подхватываются с мест и радостно вскрикивают невпопад:

– Никуля, получилось у тебя, ну получилось же! Умница, какая ты у нас умница! Вот не зря, я знала же, знала!

У Вероники внутри перекачиваются волны хрустальных колокольчиков, заполняя каждый микрон ее тела светлым звенящим ми минором. Она привыкла, что в моменты безмятежного счастья это всегда одна и та же мелодия Чайковского – невесомый и летящий танец феи драже, в момент будто бы окутывающий ее дымкой из прозрачных с мятным

привкусом тающих пузырьков. Они подскакивают и взрываются радугой вокруг ее головы, а неземная мелодия переливается через край Вероникиного существа, заполняя весь ее мир, и в эту секунду ей так хочется поделиться своей музыкой со всеми вокруг, что становится почти физически больно.

Отец, все еще стоявший рядом с телефонным аппаратом, пока еще от радости не вернувшийся себе дар речи, неуверенно улыбался с видом человека давно заслужившего, но все еще не верившего в свое счастье, и машинально приглаживал оторвавшийся кусок пожелтевших обоев. Видавший виды телефонный аппарат успел послушаться всякого, с тех пор как семье Погранцевых дали эту трехкомнатную квартиру в новой кирпичной пятиэтажке девять лет назад, но настолько бессовестно ошеломительную новость передавал впервые: Вероника благополучно прошла областной отбор и была приглашена в Москву на прослушивание к самому Серафимовичу.

– Прослушивание пройдет в Кремлевском зале Московской филармонии, где давали концерты Шостакович, Прокофьев... да что там говорить... – Здесь отец бросил загибать пальцы и закатил глаза: – Все великие там играли – а теперь и наша Вероничка.

В этот момент Николай Иванович, директор местной филармонии с обшарпанной голубой шту-

катуркой по стенам, с такой ласковой гордостью посмотрел на младшую дочь, с такой неизъяснимой близостью и теплотой пригладил ее непослушную челку, что старшая Маша невольно почувствовала тончайший укол ревности и тут же одернула себя: в их семье, как и в каждой другой, роли были давно распределены и прекрасно усвоены всеми причастными. Вероника была отцовской любимицей, младшей из двух дочерей и общей надеждой на лучшее будущее. Именно ее Николай Иванович тренировал усерднее, для нее выискивал лучших педагогов по специальности и сольфеджио, выбивал места в городских концертах, на ежегодных смотрах и праздниках. Однако и требовал с нее больше: каждый день, а не три дня в неделю, как сестра, после школы Вероника пешком шла в музыкалку, таща на спине неподъемный короб с виолончелью. В музыкальных классах Ника просиживала до самого позднего вечера, оттачивая музыкальное совершенство к очередному конкурсу.

И вот наконец годы упорного труда преподнесли драгоценный подарок в виде возможности прослушаться у самого Серафимовича. «Этот шанс дорогого стоит», – говорил Николай Иванович, со значением поднимая глаза к потолку, а подразумевал, что это единственное, что вообще есть у Вероники, у всей семьи, и они, вернее, она – Вероника, не должна его упустить. Мама – Александра Федоровна – понимала эти несложные сентенции без слов. Двадцать лет работы в районной музыкальной школе, одиннадцать лет в коммуналке в старом довоенном особняке, в котором особняк напоминали только размашистые чугунные лестницы без лифтов и деревянные перекрытия между четырехметровыми этажами, рождение девочек и снова часы, полные надежд и усталости у черного облупившегося инструмента «Аккорд-2» в крохотных неремонтированных классах. Все это научило ее терпению и скорее вопреки, чем благодаря ее трудной жизни, беззаветной вере в счастливую звезду своего усталого, раньше времени поседевшего мужа. Она научилась верить в то, во что верит он, жить высокими идеалами и не замечать накапывающие уродливые девяностые. Да и зачем ей было их замечать, если у нее не было ни сил, ни желания оседлать их.

Старшая, восемнадцатилетняя Маша, очень похоя на мать, шутя обхватила Веронику своими длинными руками, стиснула и закужила по комнате.

– Ника, Никуля, – мягко и мелодично напевала она, успевая щекотать визжащую сестру под мышками.

– Так, ребята, – улыбнулась Александра Федоровна, – идем готовить праздничный ужин, а Вероника сегодня освобождается от трудовой повинности в честь своей победы! Бегом!

Вероника осталась одна и примостилась на желтом просевшем диване у стены в гостиной, которая так же служила спальней ее родителям. Она обхватила ладонями лицо, уткнувшись локтями в колени, словно салют уже отгремел и конфетти кучками выцветшего мусора валялось на полу. Радостное возбуждение уступило место сосредоточенности Сизифа, который наконец подкатил свой большой камень к вершине горы и боится только одного – чтобы тот в очередной раз не сорвался. Вероника была еще совсем юной тринадцатилетней виолончелисткой, но камень уже столько раз катился вниз, доводя ее до отчаяния, что она сбилась со счета.

Сегодняшний момент все же казался особенным: наконец она пробилась через все областные барьеры и скоро предстанет пред ясные очи самого Серафимовича – главного дирижера Московской филармонии и в былые времена первой скрипки Советского Союза. Этот вершитель судеб юных музыкантов представлялся Нике большим и добрым, с белой бородой, как у Деда Мороза, и теплыми ласковыми глазами.

Вероника снова улыбнулась – в этот раз она справится, и жизнь ее семьи пойдет в гору, папа купит новый костюм и будет выглядеть как настоящий директор филармонии, а ей смогут достать американский портфель, который есть у большинства девочек из ее класса. Отец говорил, что прохождение этапа прослушивания открывает дорогу в новый мир: победители поедут в турне по городам России и даже Восточной Европы, их будут узнавать на улицах и приглашать на концерты по всему миру... У Вероники сладко заныло под ложечкой, только бы это все сбылось, пусть сбудется в этот раз. Она с чувством схватилась за левую мочку уха – на удачу.

Портфель был тяжелым, но она все же обошла школу по периметру, чтобы не встретиться с одноклассниками до уроков. Черт. Они стояли прямо здесь, за гаражами, курили. Вся компания – Вадик, Юрик, Лика и Наташа.

Вероника опустила глаза в землю и изо всех сил представила себя прозрачной, как воздух, –

ее нет здесь, они ее не заметят, она просто просочится в школу. Она начала ступать очень тихо и мягко.

– Эй, Смирнова, ты чего крадешься?

Вероника тяжело опустилась ботинками на холодную колючую землю, не успев дойти до заднего входа метров двадцать. Подняла взгляд на великолепную четверку. Длинноногая Лика и так была на голову выше, а сейчас со своей насмешливой ухмылкой казалась выше на два этажа.

– Проскользнуть мимо нас решила? Думаешь, превратилась в пыль?

Наташа послушно загоготала:

– Она и есть пыль, че ей притворяться. Музыкантша недоделанная.

Вероника закусила губы. Сердце гулко стучало, она очень боялась, что им будет слышно. В горле стоял ком, который невозможно сглотнуть.

Лика с Наташкой сияли, довольные ее унижением. Вадик рассеянно ковырял землю мыском грязного ботинка, потом поймал взгляд Лики и, нацепив кривую усмешку, тоже уставился на Веронику. Юрик был меньше всех ростом и не таким мускулистым, как Вадик. Он стоял в центре компании, и было видно, что он и является центровым. Он медленно провел взглядом по Веронике снизу вверх и стальными иголками зрачков уставился ей прямо в глаза. Потом, не оглядываясь на своих друзей, бросил: «Пойдем, ребят» – и, подняв черную кожаную сумку с земли, зашагал ко входу. Вадик как по команде взял свой рюкзак и, еще раз ухмыльнувшись, пошел вслед за ним. Девочки не торопясь затянулись, выдохнули в сторону Вероники и, подняв свои сумки, слишком маленькие, чтобы носить в них учебники, тоже зашагали в сторону школы.

Вероника стояла не шелохнувшись. Она считала до шестидесяти, чтобы они успели пройти внутрь и еще чтобы со щек сошла краска. «Как же стыдно, как стыдно», – вертелось у нее в голове.

* * *

Отец настоял на том, чтобы к филармонии мы подъехали на ослепительной белой «Волге», – знаю, он хотел устроить мне настоящий праздник. Специально для этого накануне звонил своему старому товарищу по консерватории и униженно упрашивал нас подвезти. Было противно слушать, и я просто зажала уши руками.

С утра мы прокопошились, ожидая машину, и поэтому приехали только к самому началу прослу-

шивания. На втором этаже уже толпились бледные конкурсанты со своими родителями. Я подумала, что участников так много, что вряд ли я смогу всех одолеть и вырваться на призовые места, и у меня затряслись руки и подступила тошнота. Я облокотилась о холодную стену – моя запись была одной из самых последних, и предстояло ждать еще часа три до начала выступления.

– Ника, крепись, пожалуйста, ты у меня сильная, дочка, мы все это выдержим. – Папа погладил меня по волосам и сжал мою руку.

– Папа, а если я... если у меня не получится?

– Получится, – тут же отозвался отец, – а потом, словно очнувшись, добавил: – Ты просто очень постарайся, а как получится – это уже неважно, главное – участие.

От этих слов у меня засосало под ложечкой, и я отвела от него глаза.

Через несколько часов на негнущихся ногах я вошла в репетиционный зал. За столом для жюри сидело трое, в одном из них я сразу угадала Серафимовича. От Деда Мороза в нем было мало – только пухлые руки и толстый живот. Он угрюмо взглянул куда-то сквозь меня и сразу отвернулся, а концертмейстер, мерно чеканя слова, торжественно объявила:

– Вероника Погранцева. Исполнит Сюиту для виолончели соло номер пять. Композитор Иоганн Себастьян Бах.

Я автоматически приготовилась – одной рукой отвела смычок, другой прижала две нужные струны, ногами уперлась в грязный ковролин.

Прислушалась внутренним ухом, чтобы настроиться с внутренней мелодией и поймать ритм, но внутри было тихо и как-то гулко – как будто жильцы дома переехали, и только зеркало в резной оловянной раме отражало пустые стены с уродливыми тенями от снятых картин. Я не могла больше ждать и, собравшись с духом, вытянула смычком первый аккорд. Позже было сложно ответить на вопрос отца, хорошо ли получилось, – я вообще этого не помню. Закрыв глаза, я искала свою фею драже, но она так и не появилась.

Как-то Лика с Наташкой привязались ко мне в школе на глазах всех остальных: они обступили меня с двух сторон и, издевательски заглядывая в глаза, начали выспрашивать, считаю ли я себя талантливой, а сами в открытую переглядывались и закатывали глаза. Я сказала, что не знаю, что такое талант, но и они тоже вряд ли в курсе. Потом я ровно, как только смогла, велела

им отвалить от меня, а сама вырвалась и убежала в туалет. Думаю, что по-настоящему талантливими можно назвать только признанных великих музыкантов, а я просто много работаю, но разве это недостаточно круто?

После выступления я быстро собрала свой инструмент и вышла из зала. Было страшно встретиться глазами с Серафимовичем – мне казалось, он начнет кричать на меня, что я ужасно бесталанная и ему стыдно, что такие люди вообще попадают к нему на прослушивание. Однако он не проронил ни слова, вероятно, с презрением проводил взглядом до двери и черной ручкой вычеркнул меня из моего будущего – у меня едва хватило сил, чтобы закрыть за собой дверь.

Не получив от меня вразумительной информации, отец, пользуясь своим статусом пусть провинциального, но все же руководителя филармонии, просочился через главные двери и извиняющимся тоном что-то обо мне выспрашивал. Я стояла совсем рядом, но услышала только:

– Уважаемый Михаил Яковлевич... благодарны вам за такую возможность...

В ответ еле слышный голос Серафимовича, и снова ответ отца:

– Мы все понимаем, Михаил Яковлевич, будем работать... – Голос отца звучит глухо и немusикально – таким он слышится только в моменты отчаяния.

Мне хочется плакать навзрыд, но я прислоняюсь спиной к ледяной стене и сдерживаю слезы – мне стыдно.

Когда дверь за последним конкурсантом глухо захлопнулась, маэстро Серафимович наконец шумно выдохнул и с трудом просунул толстые красные пальцы в крохотный нагрудный кармашек в поисках спасительного промедола. Сегодня ему доставляло особенное мучение лицезреть стаи детей, жаждущих аудиенции с ним, надеявшихся на сотворение своего личного чуда – его руками. Именно сегодня они так напоминали серых надоедливых мальков с блестящими выпученными глазами, пытавшихся заглянуть к нему в самое нутро и оставить в нем неизгладимый след, – таких маленьких и таких жалких. Кто-то из них был по-настоящему талантлив, кто-то попросту не отходил от инструмента часами – на самом деле отличить первых от вторых ему было все сложнее, однако он продолжал делать вид, что именно на этом уникальном умении и построена его го-

ловокружительная карьера. Если бы он однажды получил возможность говорить то, что думает, то в этот золотой миг, неистово брызгая слюной, заявил, нет, закричал бы, что талант – это чушь, и даже ему, великому мастеру, место на олимпе досталось не просто, а им... куда им до него.

Он прекрасно представлял себе, как сейчас за дверью дрожали их родители, годами мучившие своих чад инструментом, то твердя им об их гениальности, то угрожая работой учителем в музыкальной школе – если не смогут проявить себя «как следует» перед ним, высшим судьей. В молодости ему доставляла настоящее животное удовольствие собственная роль вершителя судеб – когда он мог превознести, а мог и ударить об пол. Теперь же он мечтал, чтобы его просто оставили на время в покое.

Большинство из этих несчастных детей сегодня он попросту не увидел, а некоторых даже и не услышал: слишком рябило в глазах и барабанило в висках от приступа невыносимой головной боли, которая в последние месяцы мучила его все чаще.

Дело в том, что в предшествующую ночь Михаил Яковлевич Серафимович ни на минуту не смог заснуть: его измученная черепная коробка содрогалась от всепроникающей невидимой дрели, которая наносила удар за ударом, не прекратив свою пытку и с первыми лучами солнца. К началу прослушивания Михаил Яковлевич был окончательно обесточен, сил у него хватало только на то, чтобы мутным невидящим взглядом встречать очередное юное дарование и затем опускать глаза вниз, на крышку выдавшей вида ученической парты. С прикрытыми глазами ему было легче переживать агонизирующие всполохи мигрени.

«Эта Подрядчикова, кажется, или Погранцева... которая не выдержала конкурса... Она была не так плоха, возможно, стоило бы и взять...»

В тот миг, когда она, взяв последний аккорд, с особой нежностью провела указательным пальцем по древку смычка, будто успокаивая и благодаря его, Серафимович вдруг осознал, кого ему напоминала эта девочка, лица которой он из-за большой головы даже и не разглядел. Он увидел в ней того, кого пытался забыть, выжечь из своего «я» эти долгие годы, – и это был он сам, маленький, пятилетний. Вся история своего детства помешалась у него в рассказ размером с ладошку, который он год за годом пересказывал сам себе, меняя реплики и персонажей, будто пытаясь раз за разом переварить, пересобрать заново.

Его учитель Павел Иванович был в Горелово единственным скрипачом и владельцем единственной в деревне скрипки и по совместительству жестокосердным пьяницей, дававшим маленькому Мише уроки между выступлениями на свадьбах и похоронах.

С высоты пятилетнего Мишиного роста он казался ему красным вывороченным из земли дубом, разъяренно хлеставшим его своими крючковатыми ветками.

- Па-авел Иванович... – Мише сквозь слезы плохо видно ноты, и он снова берет ми минор вместо ми мажора, и мелодия получается жалостливая, умоляющая.
- Молчать! – мигом отзывается хрипый голос. – Молчать, я сказал! – Голос срывается на фальцет, и Миша инстинктивно вжимает голову в плечи.

Подрагивая всем телом, он, расширив до предела глаза, следит за единственным имеющим сейчас значение предметом – деревянным смычком, который, разрезав вертикаль воздуха острой струной, неизбежно саданет его по ладоням, по спине, по коротко стриженному затылку.

Когда Мише исполнится десять, он тайком заберется в школу и переломает ненавистную палку, а потом похоронит ее во дворе. Позже он долго будет просить у смычка прощения, потому что поймет: смычок – ни при чем. Это ничего, главное, что он, Миша, никогда не станет жестоким.

Через полчаса после приема спасительной белой таблетки железный обруч ослабил смертельную хватку. Михаил Яковлевич отнял кисти с напряженными синими венами от потного лба и, прислушавшись внутренним ухом, поднял брови от удивления: происходило то, чего из-за постоянной головной боли с ним давно уже не случалось: сейчас в его уставшем мозгу звучала Музыка. Он начал медленно подниматься с продавленного временем стула, стараясь не спугнуть сказочную фею драже, выбивавшую звонкие ледяные трели мыском белоснежного пуанта.

